

УДК 297: 141.336

Игумен Иона (Чураков)

ИЗУЧЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ДЖАЛОЛУДДИНА РУМИ В СОВРЕМЕННОСТИ И ЗНАЧЕНИЕ ЕГО ЭТИКО–РЕЛИГИОЗНЫХ ИДЕЙ В СУФИЙСКИХ ПРИТЧАХ

Аннотация: В статье дается историографический обзор научных и богословских исследований культурного наследия Джалолуддина Руми и его влияние на мировое культурное наследие. Мистицизм творчества Руми связан с пониманием проблемы двойственности человека как единого образа макро- и микрокосма, что отражается в аллегориях поэтического творчества. Как духовный учитель, Руми своим художественным творчеством внес огромный вклад в мировое культурное наследие и развил мистико-духовную символику суфийской религиозной традиции. В силу своей высокой художественной формы и глубокого общечеловеческого содержания нравственных ценностей творчество Руми стало важнейшим элементом не только общемусульманской культуры, но и мирового культурного наследия.

Ключевые слова: Джалолуддин Руми, румиология, суфийское культурное наследие, суфийские притчи, поэтический мистицизм, Маснави, суфийский символизм, тарикат, мировое культурное наследие.

Цитирование: Иона (Чураков), игумен. Изучение культурного наследия Джалолуддина Руми в современности и значение его этико-религиозных идей в суфийских притчах // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 2 (23). С. 151–170.

Сведения об авторе: Иона (Чураков), игумен – студент второго курса магистратуры Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: iona-72@mail.ru

Поступила в редакцию 17.05.2022

Принята к публикации 04.07.2022

Джалолуддин Руми (1207–1273) – основатель суфийского ордена Мавлавия, который является хранителем культурного наследия поэта и религиозного деятеля. Изучение культурного наследия Джалолуддина Руми в историческом прошлом и современности является важной научной задачей, позволяющей понять значение творчества Д. Руми в развитии мусульманской и мировой культуры. В научной среде европейских востоковедов сложился даже термин «румиология», который показывает значение Д. Руми как целого раздела востоковедения.

Одним из первых крупных исследователей культурного творчества Д. Руми был Бедиуззаман Фронзафар (1904–1970), который анализировал поэзию Д. Руми в контексте суфийской философии в своей докторской работе (1935 г.) и работал профессором персидской литературы в Тегеранском университете. В своей работе «Шарх аль-Матнави аль Шариф» [15] он рассмотрел социальные и исторические предпосылки творчества Д. Руми, критически рассмотрел переводы и комментарии к Маснави, связал его идеи с философией Ибн Араби и муллы Садра. Также Фронзафар издал книгу «Хадисы Матнави», где опубликовал все поучительные нравственные истории Д. Руми, имеющие богословский суфийский смысл.

Профессор персидской литературы Джалал ад-Дин Хамаи (1900–1980) на кафедре в Тегеранском университете рассмотрел религиозные и мистико-философские идеи Руми, обнаружил логическую связь между рассказом ат-Матнави «История царя и больной девушки» и его рассказом «История безумного замка».

Исследования по творчеству Руми проводили – Абд аль-Хусейн Заринкуб (1922–1999), Мухамад Таки Джафари (1923–1998) (книга «Объяснение, критика и анализ аль-Матнави» в 15 частях), Мухамад Реда Шафии Кджкны (1939–2009), опубликовал «Диван Шамс Тебриз» аль-Матнави (1075 газелей и 256 четверостиший с комментариями), связав его идеи с персидскими

поэтами – Санаи, Аттар, Хафез, Хакани; Карим Замани (1951 г.р.) написал книгу «Шарх Джами аль-Матнави» из семи частей.

Иранский профессор Абдолхоссейн Заринкуб удивляется следующему факту. Он пишет, что обнаруживает, что английский поэт Эдвард Фицджеральд взял на себя задачу познакомить поэта Омара Хайяма с западной культурой в восемнадцатом веке. Известный немецкий философ Фридрих Ницше также представил персидского поэта Хафеза аль-Ширази публике. Британский востоковед Николсон в конце XIX – начале XX века представил Европе творчество Джалал ад-Дина ар-Руми, которого он изучал двадцать пять лет своей жизни [4].

Знаменитый немецкий поэт и востоковед Фридрих Рукерт (1788–1866) говорит о Джалал ад-Дине ар-Руми: «Где та звезда, которая спустилась на землю и свет которой достиг меня? Где Маулана Джалал ад-Дин ар-Руми, величайший из всех знающих и самый священный из всех народов!».

Английский востоковед Артур Джон Арберри (1905–1969) говорит о нем: «Я проведу остаток своей жизни, изучая произведения Джалал ад-Дина ар-Руми, которому удалось многое в спасении народа своей страны за семь веков до ее разрушения. Европа будет спасена только благодаря трудам Джалал ад-Дина Руми» [13].

Мухаммад Абд аль-Салам Кафафи в Бейруте в 1960 году опубликовал книгу о Руми на арабском языке под названием «Джалал ад-Дин ар-Руми и его суфизм».

Профессор Абд аль-Ваххаб Аззам аль-Матнави и профессор Азхари Шейх ас-Сави Шаалан представили свои докторские диссертации в Каирском университете, их перевод считается одним из самых замечательных арабских переводов Руми.

Художественный роман «Сорок правил любви» турецкого писателя Элиф Шафак (1971 г.р.), по творчеству Д. Руми, был опубликован на английском языке в США и в Соединенном Королевстве в феврале 2010 года, и за первые недели было продано

около полумиллиона экземпляров, возглавив список бестселлеров в Италии, Франции, Болгарии и Турции. После этого Руми стал мировой известностью.

Научный анализ творчества Джалолуддина Руми широко представлен в отечественных научных диссертациях по различным аспектам: в религиозно-философском ключе – М.Т. Махмаджонова [9]; в сопоставлении с идеями Носира Хусрава – Ш.Х. Карамхудоева [7]; особенности лексико-семантического анализа пословиц Руми – О.Ш. Игболов [5]; литературные особенности языка поэзии Джалаладдина Руми – Х.Ш. Кабиров [6]; влияния на Руми идей суфия ал-Кушайри – О.А. Лапицкая [8]; антропология Руми в притчах «Маснави ма’нави» – К.С. Саидолимов [14] и Т.И. Асомуддинзода [2]; особенности глагольной лексики в «Маснави ма’нави» – Р.А. Усмонов [19]; аллегорические рассказы в «Фихи мо фихи» – З.Ш. Тохиров [18]; педагогические идеи Джалаладдина Руми – Дж. М. Тахери [16] и М.М. Шариат Богири [20]; влияние Д. Руми на суфийскую традицию – А.Ф. Якоби [21].

Обзор научной и богословской литературы ясно обозначает нерешенные вопросы в творчестве и суфийском культурном наследии Джалаладдина Руми, в частности, концепцию межрелигиозного диалога Д. Руми на основе идеи «совершенного» универсального человека, которая является элементом исламо-христианского диалога в мире в условиях глобализации культурных контактов.

Рассмотрим особенности поэтического творчества Джалолуддина Руми и значение его этико-религиозных идей в суфийских притчах.

Одной из самых ярких черт поэзии Аль-Руми является его вокальная суфийская музыка. Маулана был знатоком музыки, и он показал удивительную способность пользоваться музыкой и поэтикой слов. Помимо ассонанса, аллитерации, словесных ассоциаций и других риторических форм, Аль-Руми также использует различные типы композиции: повторение, фонематическую

или метрическую параллель, перечисление и др. Совершенная поэтическая форма стихов Руми должна была вместить, по его мысли, божественное совершенство идеи единства: «Что касается истинного (божественного) знания, то это свет, который Бог излучает в сердца верующих, чтобы осветить им, и Бог ведет к Своему свету, кого пожелает» [11].

Каждая строка стихов имеет свою собственную независимую рифму, и таким образом стихотворная система освобождается от единой рифмы, которая долгое время мешала арабским поэтам сочинять стихотворные рифмы. Именно это разнообразие рифм позволяло персидским поэтам составлять обширные эпосы на арабском языке и продвигать их так далеко, как они хотели. Джалал ад-Дин говорит во введении к «Аль-Арабии»: «Книга Матнави является Божьим законом (Азхар) и самым ясным доказательством Бога» [17].

Мистицизм творчества Руми связан с пониманием проблемы двойственности человека как макро- и микрокосма. Руми выразил эти отношения следующим образом: «Я стал человеком и именем, я умер как животное и стал человеком» (Руми, 1375, d 3: b 3901-3902) [1, с. 319]. В стихах Мавлоно человек представлен как проводник двух миров, он сопричастен миру природы и миру духовному. Постоянные параллели поэтических образов у Руми между этими двумя мирами выражают специфику его творчества.

Центр и источник этого мистического способа познания, подобно интеллекту и внешним чувствам, является частью сил человеческой души, и в исламском мистицизме Руми он называется «сердцем». Религиозно-поэтический мистицизм – это не только художественный взгляд на религию, а независимая эпистемология, главный элемент которой находится в человеческой душе и через которую человек познает существование и религию параллельно с разумом. Но эстетический или художественный взгляд, в отличие от эпистемологического взгляда, стремится не информировать о чем-либо, а выражать реакцию и чувства чело-

века по отношению к предмету. Следовательно, результаты, полученные с художественной точки зрения, выражаются композиционными предложениями, и в силу того, что они информативны с виду – они являются также смысловыми эссе. Единственный когнитивный аспект этой точки зрения – это претензия на общую ценность суждения. Учитывая различие между этими двумя взглядами, теперь необходимо увидеть, какое из этих двух взглядов в мистицизме и типе его прочтения религии преобладает.

Руми ясно показывает, что мистик (совершенный человек) обладает определенным знанием ментальных сущностей и божественных истин, хранит эти тайны [3, с. 103]. Взгляд и жизнь мистика отличается от взгляда и жизни поэта. У мистика преобладает иррациональный опыт невыразимости религиозной жизни, поэт пытается оформить свой опыт жизни в рифмующиеся строки. Это означает, что художественная личность поэта доминирует над любым другим аспектом его характера, который сосредоточен на значении и содержании стихотворения и делает его невозможным в форме поэзии, в отличие от мистика, который, даже когда он говорит стихи, поэтический аспект растворяется в его мистическом влечении. Следовательно, «значение» в словах мистика, будь то в прозе или в поэзии, предшествует слову и априорному, в то время как в поэзии поэта «значение» является апостериорным и возникает из формы или вместе с ней. Возможно, именно из-за этих формальных ограничений и препятствий Руми выражает отвращение к поэзии: «Откуда мне брать стихи? Боже, ненавижу поэзию», «Смысл в поэзии – не что иное, как путаница, поскольку это фляжка (пустая), ее нет в записи (жизни)» [10, с. 452].

В конце концов, мистик, в отличие от поэта, личность которого заключается в творчестве и общении с аудиторией, предпочитает молчание и изоляцию – публичным выступлениям. Теперь мы кратко рассмотрим основные элементы мистицизма, изложенные в «Маснави» Д. Руми, чтобы увидеть, является ли природа этих элементов эпистемологической или художественной,

и какой из замыслов Руми можно объяснить с помощью любой из этих двух точек зрения.

Известная поэма Руми «Маснави» начинается с поэтического произведения про сокола, который слетел с руки царя (имеется в виду Бога). Душа мистика (самого Руми) уподобляется птице, которая проходит девять сфер и семь небес, она была еще до сотворенья всех тел в раю и жила среди райского «пламени», согласно божественному Промыслу воплотилось в теле Руми и как птица-феникс вновь возвращается к себе в райские обители [12, с. 31]. Эта идея вечного возвращения суфийского символа (душа-птица) к источнику всякой жизни – Богу, является лейтмотивом всего творчества Мавлоно: «Ты родился крылатым, зачем ползать по жизни?».

Стихотворение «Услышьте, любящие прах: любовью вечной я горю» показывает внутреннее содержание этого пути – Любовь к Богу. В этом произведении встреча с учителем Шамсом в Тебризе стала поворотным пунктом обращения (суфийского посвящения) Руми.

Универсальность суфийского послания Руми миру включает его гуманистический призыв к Богу – «моя религия – не крест, не иудейство, не ислам» [Там же. С. 34]. Бог живет не в рукотворных храмах, а в самом внутреннем храме (сердце) человека, который «образ Божий». В этом страстном поиске любви к Богу Руми уже не страшен ад и рай, он опьянен любовью к Богу.

Любовь к Богу – это душа суфизма, и именно эта любовь заставляет тростник (суфийский символ человека) жаждать и повествует о боли разлуки и хочет вернуться к своему истоку и соединиться с Богом. Согласно Руми, любовь имеет космические корни, и ее источником является Бог, и она течет в двух направлениях по всей вселенной: «Он любит день и ночь и беспокоится, потому что ты видишь, что ночь любит его больше» [Там же].

Но помимо этой универсальной и космической любви, которая является средством выживания человека в мире, краеугольный

камень мистицизма и его дух – это любовь, основанная на познании Бога. Эта любовь является непосредственным результатом суфийского опыта и находится по другую сторону медали совершенного знания, она обнажает все в глазах мистика перед Богом, который остается живым, и устраняет все препятствия на пути к росту и совершенствованию его. Такое знание и любовь являются результатом добровольной или принудительной аскезы, которая открывает глаза на истину через страдание и боль: «Была ли любовь дикой и кровавой с самого начала? бежать от того, кто снаружи» [Там же].

Согласно суфизму, это знание и любовь к Богу не зависят от дел и борьбы суфия, ибо Сам Бог выбирает своих любящих друзей. Богословие мистика формируется на основе этой любви, и, по сути, любовь сама берет на себя ответственность за его религию и оформляет ее мистику таким образом, что становится его средством связи с Богом, а не препятствием. В этом смысле мистик как шейх и наставник – это врач сознания, который диагностирует болезнь души искателя и предписывает ее, а не только эстетически озвучивает свою позицию. Конечно, Руми не против интеллекта и материальных чувств, экспериментальной науки, но считает их полезными для материального мира, а не для познания Бога и истин религии.

Совершенный человек – это идеальный пример мистика, который, согласно суфийской вере, является проявлением мысли Бога, и Руми в «Маснави» подчеркивает это возвращение мысли (ищущего человека) к своему Первоисточнику: «в Мекку путь свой направляет мусульманин-пилигрим» [Там же. С. 35], но встречает Бога в своем сердце. В этом неутомимом аскетическом стремлении в любви к Богу есть что-то от христианской аскезы в момент Тайной вечери: «Выпивая чашу, мы будем читать о любви и ради встречи Любимого забудем себя, желаю одного лишь на свете – Любимого (Бога)» [Там же. С. 36].

Величие Руми в том, что он возвышает души мусульман до тайны христианства, что любящий Бог живет в их сердце и

они его благородные любящие носители: «вы – престол Живого Бога посреди земных красот» [Там же. С. 35]. Предназначение человека явить в себе образ Божий, вернуть его Создателю в чистом от греха виде. Суфийский символ зеркала (души человека) передает здесь христианский смысл образа Божьего, в котором Бог и человек встречаются глазами. Другой суфийский символ – душа уподобляется тростниковой флейте, на которой Бог исполняет мелодию любви. Соловьи (ангелы) «плакали кровью и пели о любви» в этот момент постижения суфием встречи Бога. Суфийский образ «дороги превращений», которая ведет к Разуму (Логосу Бога), проходит этапы от праха (минерала) к животному и ангелу, заканчивается в слиянии души с Богом (бака): «И душа стяжает в высях, что внизу не обрела» [Там же. С. 39].

Суфийские стихи Мавлоно проводят читателя по всем этапам тариката (восхождения суфия к Богу). Этот путь мюрид (ученик) проходит вслед за своим учителем (шейхом). В «Маснави» Руми проходит тарикат вслед за своим учителем Шамсом. Тарикат включает в себя внешние (шариат) и внутренние установления (хакикат). Остановками на этом пути служат: покаяние (тауба), воздержание (вара), отречение (зухд), упование (таваккул), нищета (факр), терпение (сабр), благодарность (шукр), удовлетворенность (рида). На этом пути суфий достигает следующие внутренние состояния (хал): близость к Богу (курб), любовь к людям (махабба), любовь к Богу (ишк), благоговение (хауф), надежда (раджа), страсть (шаук), доверие (унс), покой (итманина), свидетельство веры (мушахада), утвержденность (в пути) (йакин) [Там же. С. 10]. Руми внес в суфийскую практику распевание стихов, посвященных тем или иным ступеням суфийского пути под музыку и кружащийся танец для достижения мистического транса: «Прозреешь – и жизнь просияет иная, и сердцем услышишь рыдания ная» [Там же. С. 43].

В произведении «Татуировка» раскрывается образ шейха, которого «ни адский жар, ни солнце не сожжет, того, кто пламя

Духа бережет» [Там же. С. 50], который преодолевает «косоглазие» материализма и в душе у которого татуировка образа Божьего. Он терпит от ангелов нанесение духовных очертаний с болью и является господином духа над плотью. В стихотворении «Косой слуга» шейх преодолевает косоглазие осознанием духовного единства мира (один кувшин – суфийский символ) и находит разбившийся кувшин целым, в отличие от злобного слуги, который видит два пустых кувшина.

В отрывке «Глухой посещает больного» описывается, как глухой невпопад отвечает больному, ободряя его перед смертью. Так и душа ободряет тело перед кончиной, «исполняя свой долг и обретая покой». Она радуется страданиям и смерти тела – своему духовному рождению.

Следующий любимый суфийский символ в стихе «Корзина песка» [Там же. С. 59] – бедуин на верблюде (душа с телом) везет полные корзины (зерно – песок: мудрые и суетные мысли). Странник (мудрость Божья) не имеет пристанища в мире и ничего не имеет похожего на земную мудрость достатка. Она призывает бедуина (суфия) выбросить суетные мысли – песок. Но бедуин проходит мимо странника, не одарив его песком (милосердием) и не вняв мудрости, он остается с прежним скарбом и не видит отчетливо ориентиров в пустыни жизни.

В монологе «Ответ Лейлы» красавица символизирует Божественную мудрость и страсть Медждуна (с арабского «безумец» – суфия). В образе халифа – человеческий плотский разум, который гоняется за «теньями» вещей и не видит красоту Лейлы (духовных смыслов). Разум рациональный (халиф) – слепец, у которого «пуст колчан» стрел любви.

Памфлет «Узник-обжора» символизирует грешную природу человека (нафс), он постоянно приносит проблемы своему обладателю. «Узилице земное» – там грешник скован страстями материального обжорства, тюрьма – место пира. Верблюд (символ тела) весь день носил нафс (обжору) и не мог заплатить цену

погонщику обжора. Он остался слеп и глух из-за корысти, избавившись от корысти – «тому пошлет Создатель исцеленье» [Там же. С. 67].

В работе «Обморок» обыгрывается христианская притча «не давайте святыни псам» (Мф. 7:6), где кожевник упал в обморок в парфюмерном ряду. Так и грешник после смрада страстей не выносит ангельской чистоты места встречи с Богом. Ангелы-парфюмеры довели беднягу до глубоких страданий своим парфюмом, пытаясь привести его в чувства, но его отрезвил «навозный шарик», который ему поднес другой кожевник и даже стал втирать его в виски брата. Руми обыгрывает слова медика Галена – «привычное несет выздоровленье». Судьба грешника на земле и в аду (вечной жизни) по Руми – «вдыхать безумья смрад» [Там же. С. 71].

В произведении «Сторож» на караван (жизнь человека) напали разбойники (шайтаны – бесы), обокрав человека от духовных богатств, ум (сторож) не смог отчитаться Владыке Богу о своем потерянном богатстве. Руми напоминает о бдительности (важном суфийском качестве): «О муж, не спи, будь бдителен и строг» [Там же. С. 73]. Во время пути каравана необходимы постоянные молитвы, тогда не страшны разбойники, можно сравнить с Евангелием: «не бойтесь убивающих тело, бойтесь, кто может свергнуть в геенну» (Лк. 12:4).

В стихе «Собака бедуина» [Там же. С. 75] под собакой понимается тело, а хозяин-бедуин – суфий, плачущий над подыхающей собакой. В коробе он носит мясо и хлеб (истинная пища), но не давал ее телу (не освящал божественными энергиями). Его спутник (ангел) обличает скрягу, что он «бурдюк пустой» (не имеет вечной жизни) и «прах пустыни». Смысл притчи – освящение божественной благодатью души и тела, не скрывать божественные таланты, не зарывать их вместе собакой (телом) в землю.

Метафорический сюжет «Дурак и медведь» повествует о сражении медведя (животная душа) со змеем (страстью), где

победил змей. Но странник (духовный ум, ведомый ангелом от Бога) разрубил змея. Но медведь, своего спасителя охраняя, спящего ударил булыжником, убирая муху. Смысл притчи – дружи с животной душой умная душа, но проси защиты у творца от «усердья глупца» [Там же. С. 79].

Притча «Старческий недуг» гласит, по Мавлоно, о смысле страдания для суфия. Болезнь – «старость», суфий воспринимает духовно (символ лекаря) как важный ресурс боли, ведущей человека к Богу. Но тело – «больной», не довольное врачом и жаждет внешних лекарств (микстуры), пытаюсь уйти от боли и депрессии болезни. Смысл притчи – в принятии болезней и старости как лучшего лекарства для духовного рождения души суфия.

Рубайи «Вор-барабанщик» говорит о следующем символизме: смерть (вор) подкопала забор (тело) старика-владельца (души, отягощенной материальным), бьющей в барабан (молитв) утром (пробуждение души).

Произведение «Клятва пса» [Там же. С. 85] говорит о теле, которое растолстело и не построило себе дом (молитв), хотя и давало обет Богу за все Его милостыни. Смысл притчи: человек в сытости забывает о Боге и обращается к другим богам (Коран, 30:33).

Сатира «Испуг» изображает, что в обоз (суфийского пути) есть приказ набрать ишаков (новобранцев) от царя (Бога), но шейх (испуганный учитель) просит соседа (другого – мудрого учителя) его спрятать (от указа), чтобы он спрятался от царских слуг (ангелов) как ишак (новообращенный). И они – ангелы потащат его на Страшный суд. Приняв за «ишака», не выполнившего волю Господина.

В метафоре «Лицом к хвосту» [Там же. С. 87] говорится о эгоизме (серой кобыле) как у пророка Иеремии («и стали ко Мне спиной, а не лицом» Иер. 7:24) и себялюбце, который не может вернуться домой (к Богу). Суфий «воевода» (шейх) дает совет воину (адепту себялюбцу) – оседлать кобылу и поменять

свое намерение (нийя) на противоположное (из корысти к любви к Богу), «как поскачешь – сядь лицом к хвосту» (кобылы – эгоизма), перейти к системе духовных ценностей. В этом стихе говорится о трех остановках суфия (местах силы) – покаяние (тауба), воздержание (вара), отречение (зухд).

В притче «Лиса, лев и осел» [Там же. С. 94] выводится Руми спор между лисой (кадаритами – мусульманами, выступали за абсолютную свободную волю человека) и ослом (джабаритами, выступали за абсолютное предопределение, отказ от свободы воли). В длинном диалоге лисы и осла выводится вся философия спора кадаритов и джабаритов (надеяться полностью на себя или Бога). Но новоиспеченный адепт Бога – суфий («осел»), увлекшись сладкими речами лисы о земных благах, поспешил за ней в общество потребления, и там на него прыгнул раненный слоном (Богом) лев (шайтан). Но, обратившись к Богу с молитвой, осел спасся бегством и встретил опять лису, которая говорила ему, что это только призрак льва, он ее никогда не кусает, а пугает только «слонов». Но осел распознал опасность безверия лисы, но не смог унять бурчанье живота и поплелся за лисой – растерзан львом. Смысл притчи: быть бдительным от коварных друзей-себялюбцев, сподвижников шайтана, убийц души.

В притче «Три совета» птица (шейх) дает три совета ловцу (глупому ученику) – «не будь дураком, небылицам не верь» [Там же. С. 97], «не печалься, что не вернуть», и быть верным кладу в груди (любви к Богу – который передает шейх мюриду). Но глупый ловец не поймал птицу (не выполнил советы, духовно не родился, остался глупым). Смысл притчи Руми выражает, как обычно, в последней строчке стиха: «Пропавшее дело – учить дурака».

В стихе «Дракон» под видом змея понимается эгоистическая природа нафс, которую охотник (неопытный суфий) пытался показать прирученным на базаре, но который его поглотил. Смысл притчи прост: борись с падшей природой, побеждай страсти льдом аскезы, чтобы солнце (пища страстей) «не разбудила

страсть и не привела душу к смерти духовной», Мавлоно поучает, – «Ты сердце соблазнами в грех не вводи, дракона застывшего не разбуди» [Там же. С. 103].

В аскетическом произведении «Поучение аскета» некий аскет (шейх), подобно пророку Илии был радостен о Господе посреди голода и смерти братьев (мусульман), но был печален к страдальцам (желая им дождя – благодати на души). В стихе ставится идея единства мусульманской уммы в период страданий и духовная ответственность ее вождей (имамов).

В подражании книге «Калила и Димна» под названием «Три рыбы» [Там же. С. 113] Руми показывает участь трех рыб (душ): одна, умная, имела решимость и уплыла от сетей рыбаков (шайтанов), поглупей рыба – притворилась дохлой и тоже спаслась, а третья – сварилась в котелке (аду). Решимость – важное качество суфия, спасительное качество. В христианском канте (духовном песнопении) «Три птицы» есть подобная аллегория – одна птица летит к Богу быстро, другая – медленно, а третья – черпает крылом воду (образ трех типов монашества, аскетов).

В притче «Четверо индийцев» пришли в мечеть помолиться и осуждали друг друга, нарушая заповедь Христа («Не судите и не судимы будете» Мф. 7:1), подобно фарисею (притча о мытаре). Руми ясно говорит в притче: молитвы осуждающих Аллах не принял, они не прощены («Лишь тот прощен и принят свыше будет, кто не другого, а себя осудит» [Там же. С. 135], вынь бревно из своего глаза (пороков ты сам «не лишен»), и вынесешь соринку из глаза брата – «не будет ближний твой тебе смешон».

Таким образом, анализируя только небольшую часть поэтического духовного творчества Руми, можно сделать вывод, что нравственные его поучения имеют общечеловеческий и общекультурный смысл. Они направлены на нравственное изменение человека на пути к Богу. Мистицизм творчества Руми связан с пониманием проблемы двойственности человека как единого образа макро- и микрокосма, что отражается в аллегориях поэти-

ческого творчества. Как духовный учитель, Руми своим художественным творчеством внес огромный вклад в мировое культурное наследие и развил мистико-духовную символику суфийской религиозной традиции. В силу своей высокой художественной формы и глубокого общечеловеческого содержания нравственных ценностей творчество Руми стало важнейшим элементом не только общемусульманской культуры, но и мирового культурного наследия.

Литература

1. Акимушкин, О. Ф. Вдохновенный из Рума [Руми Джалалиддин. Поэма о скрытом смысле. Избранные притчи] / О. Ф. Акимушкин. – М., 1986.

2. Асомуддинзода, Тоджиддин Исломиддин. Проблема человека и его судьбы в произведении Джалалуддина Руми «Маснави Ма’нави» (философско-религиоведческий анализ) : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Философия религии и религиоведение / Т. И. Асомуддинзода. – Душанбе, 2017. – 26 с.

3. Брагинский, И. С. 12 миниатюр от Рудаки до Джами / И. С. Брагинский. – М., 1976. – 303 с.

4. Зарринкуб, А. Х. Исламская цивилизация / Абдол Хосейн Зарринкуб ; [пер. с араб. М. Махшулов]. – М. : Андалус, 2004 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). – 237 с.

5. Игболов, О. Ш. Лексико-семантический анализ особенностей пословиц и поговорок в таджикском и английском языках : на материале «Маснави ма’нави» Джалалуддина Руми : дис. ... канд. филолог. наук / Таджикский национальный университет. – Душанбе, 2017. – 166 с.

6. Кабиров, Х. Ш. Специфические особенности языка поэзии Джалаладдина Руми. : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Кабиров Хуршед Шахбозбекович. – Душанбе, 2009. – 28 с.

7. Карамхудоев, Ш. Х. Сравнительный анализ антропологии Носира Хусрава и Джалаледдина Руми : дис. ... докт. философ. наук. – Душанбе, 2020. – 346 с.

8. Лапицкая, О. А. «Философские Основания Суфийского Учения Ал-Кушайри» : Автореф. Дис. ... Канд. Философ. Наук / Лапицкая Ольга Александровна. – Москва, 2013. – 28 С.

9. Махмаджонова, М. Т. Религиозно-философское учение Джалолуддина Руми : дис. ... докт. философ. наук / Махмаджонова Мухиба Талатжановна. – Душанбе, 2007. – 255 с.

10. Насыров, И. Р. Основания исламского мистицизма / И. Р. Насыров. – М., 2009. – 552 с.

11. Олимов, К. Исследования по суфизму / К. Олимов. – Душанбе, 1999. – 140 с.

12. Руми, Джалаладдин. Дорога превращений : суфийские притчи / Джалаладдин Руми ; сост., пер. [фарси], коммент. Дмитрия Щедровицкого. – М. : Теревинф, 2012. – 379 с.

13. Руми, Джалалиддин. Суть Руми / пер. с фарси на англ. яз. Джона Мойна, Артура Арберри, Рейнолда Николсона ; англ. версификация Колмана Баркса ; пер. с англ. яз. на рус. яз. и рус. версификация Сергея Сечива. – Москва : Гаятри, 2007. – 668 с.

14. Саидолимов, К. С. Образ человека в рассказах и притчах «Маснави ма’нави» Джалалиддина Руми : автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Саидолимов Комилджон Саидмирзоевич. – Душанбе, 2003. – 28 с.

15. Суфии – мысль и действие : соврем. авт. о суф. традиции : сб. ст. / сост. Идрисом Шахом ; пер. Юлиана Аранова. – М. : Эннеагон, 2005. – 372 с.

16. Тахери, Дж. М. Педагогические идеи Джалаладдина Руми в системе современных общеобразовательных школ Ирана : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Тахери Джавад Мохтар. – Душанбе, 2010. – 19 с.

17. Топбаш, Осман Нури. Кувшин воды : по мотивам «Маснави» Мавляна Джалалятдин Руми / Осман Нури Топбаш ; пер. с тур. А. Разоренова. – Москва : САД, 2007. – 291 с.

18. Тохиров, З. Ш. Аллегорические рассказы в «Фихи мо фихи» Джалалиддина Руми : автореф. дис. ... канд фил. наук / Тохиров Зиератшох Зрифович. – Душанбе, 2004. – 18 с.

19. Усмонов, Р. А. Глагольная лексика в «Маснавии маънави» Джалолуддина Руми : дис. ... канд. филолог. наук. – Худжанд, 2003. – 196 с.

20. Шариат Богири, М. М. Педагогические взгляды Джалалиддина Руми и Абрахама Маслоу относительно проблемы совершенного человека : автореф. дис. ... канд. пед. наук / Мухаммад Махди Шариат Богир. – Душанбе, 2012 – 22 с.

21. Якоби, А. Ф. Мироззрение Джалалуддина Руми и суфийская традиция : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Якоби Ахмад Фахим. – М. 1991. – 17 с.

Hegumen Iona (Churakov)

THE STUDY OF THE CULTURAL HERITAGE OF JALOLUDDIN RUMI IN MODERN TIMES AND THE SIGNIFICANCE OF HIS ETHICAL AND RELIGIOUS IDEAS IN SUFI PARABLES

Abstract: The article provides a historiographical review of scientific and theological studies of the cultural heritage of Jaloluddin Rumi and its impact on the world cultural heritage. The mysticism of Rumi's creativity is connected with the understanding of the problem of the duality of a person as a single image of macro and microcosm, which is reflected in the allegories of poetic creativity. As a spiritual teacher, Rumi made a huge contribution to the world cultural heritage with his artistic creativity and developed the mystical and spiritual symbolism of the Sufi

religious tradition. Due to its high artistic form and deep universal content of moral values, Rumi's work has become an important element not only of the general Muslim culture, but also of the world cultural heritage.

Key words: Jaloluddin Rumi, rumiology, Sufi cultural heritage, Sufi parables, poetic mysticism, Masnavi, Sufi symbolism, tarikat, world cultural heritage.

References

1. Akimushkin O. F. Vdohnovennyj iz Ruma [Inspirational from Rum]. In *Rumi Dzhahalaliddin. Pojema o skrytom smysle. Izbrannye pritchi* [Rumi Jalaliddin. Poem about hidden meaning. Selected parables]. Moscow, 1986.

2. Asomuddinoda T. I. Problema cheloveka i ego sud'by v proizvedenii Dzhahalaluddina Rumi "Masnavi Ma'navi" (filosofsko-religiovedcheskij analiz) : avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk. Filosofija religii i religiovedenie [The problem of man and his fate in the work of Jalaluddin Rumi "Masnavi Ma'navi" (philosophical and religious analysis). Abstract of a dissertation of a Candidate of Philosophical Sciences]. Dushanbe, 2017, 26 p.

3. Braginskij I. S. 12 miniatjur ot Rudaki do Dzhami [12 miniatures from Rudaki to Jami]. Moscow, 1976, 303 p.

4. Zarrinkub A. H. Islamskaja civilizacija [Islamic Civilization]. Moscow, 2004, 237 p.

5. Igbolov O. Sh. Leksiko-semanticheskij analiz osobennostej poslovic i pogovorok v tadzhikskom i anglijskom jazykah : na materiale "Masnavii ma'navi" Dzhahaloluddina Rumi : dis. ... kand. filolog. nauk [Lexical and semantic analysis of the features of proverbs and sayings in the Tajik and English languages: on the material of "Masnaviya ma'navi" by Jaloluddin Rumi: dissertation of a Candidate of Philological Sciences]. Dushanbe, 2017, 166 p.

6. Kabirov H. Sh. Specificheskie osobennosti jazyka poezii Dzhahaladaddina Rumi: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk [Specific

features of the language of Jaladaddin Rumi's poetry. Abstract of a dissertation of a Candidate of Philol. Sciences]. Dushanbe, 2009, 28 p.

7. Karamhudoev Sh. H. Sravnitel'nyj analiz antropologii Nosira Husrava i Dzhalaledina Rumi : dis. ... dokt. filosof. Nauk [Comparative analysis of the anthropology of Nosir Khusrav and Jalaledin Rumi: dissertation of Doctor of Philosophy]. Dushanbe, 2020, 346 p.

8. Lapickaja O. A. "Filosofskie osnovanija sufijskogo uchenija al-Kushajri": avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk [Philosophical foundations of the Sufi teachings of al-Kushayri. Abstract of a dissertation of a Candidate of Philosophical Sciences]. Moscow, 2013, 28 p.

9. Mahmadjhonova M. T. Religiozno-filosofskoe uchenie Dzhadoluddina Rumi : dis. ... dokt. filosof. Nauk [Religious and philosophical teaching of Jaloluddin Rumi. Dissertation of Doctor of Philosophical Sciences]. Dushanbe, 2007, 255 p.

10. Nasyrov I. R. Osnovanija islamskogo misticizma [Foundations of Islamic mysticism]. Moscow, 2009, 552 p.

11. Olimov K. Issledovanija po sufizmu [Studies in Sufism]. Dushanbe, 1999, 140 p.

12. Rumi, Dzhahalaladdin. Doroga prevrashhenij: sufijskie pritchi [Road of transformations: Sufi parables]. Moscow, 2012.

13. Rumi, Dzhahalaliddin. Sut' Rumi / per. s farsi na angl. jaz. Dzhona Mojna, Artura Arberri, Rejnolda Nikolsona ; angl. versifikacija Kolmana Barksa ; per. s angl. jaz. na rus. jaz. i rus. versifikacija Sergeja Sechiva [The essence of Rumi / trans. from Farsi to English lang. by John Moyne, Arthur Arberry, Reynold Nicholson; English version by Colman Barks; per. from English. lang. in Russian lang. and Russian version by Sergey Sechiv]. Moscow, 2007, 668 p.

14. Saidolimov K. S. Obraz cheloveka v rasskazah i pritchah "Masnavi ma'navi" Dzhahaloliddina Rumi: avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk [The image of a person in the stories and parables of "Masnavi ma'navi" by Jaloliddin Rumi. Abstract of a dissertation of a Cand. of Philol. Sciences]. Dushanbe, 2003, 28 p.

15. Sufii – mysl' i dejstvie: sovrem. avt. o suf. tradicii: sb. st. [Sufis – thought and action: modern authors about suf. traditions: collection of works]. Moscow, 2005, 372 p.

16. Taheri Dzh. M. Pedagogicheskie idei Dzhahalaladdina Rumi v sisteme sovremennyh obshheobrazovatel'nyh shkol Irana: avtoref. dis. ... kand. ped. Nauk [Pedagogical ideas of Jalaladdin Rumi in the system of modern comprehensive schools in Iran: Abstract of the dissertation of a Cand. of Ped. Sciences]. Dushanbe, 2010, 19 p.

17. Topbash O. N. Kuvshin vody: po motivam “Masnavi” Mavljana Dzhahaljatdin Rumi [Water Pitcher: based on “Masnavi” by Mavlyan Jalalyatdin Rumi]. Moscow, 2007, 291 p.

18. Tohirov Z. Sh. Allegoricheskie rasskazy v “Fihi mo fihi” Dzhahaliddina Rumi : avtoref. dis. ... kand. fil. nauk [Allegorical stories in “Fihi mo fihi” by Jalaliddin Rumi. Abstract of a dissertation of Cand. Phil. Sciences]. Dushanbe, 2004, 18 p.

19. Usmonov R. A. Glagol'naja leksika v “Masnavii ma'navi” Dzhahaloluddina Rumi : dis. ... kand. filolog. Nauk [Verbal lexicon in “Masnaviya manavi” by Jaloluddin Rumi. Dissertation of a Candidate of philological sciences]. Khujand, 2003, 196 p.

20. Shariat Bogiri M. M. Pedagogicheskie vzgljady Dzhahalolidina Rumi i Abrahama Maslou otnositel'no problemy sovershennogo cheloveka: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk [Pedagogical views of Jaloliddin Rumi and Abraham Maslow regarding the problem of a perfect person. Abstract of a dissertation of a Cand. of Ped. Sciences]. Dushanbe, 2012, 22 p.

21. Jakobi A. F. Mirovozzrenie Dzhahaloluddina Rumi i sufijskaja tradicija: avtoref. dis. ... kand. filosof. nauk [The worldview of Jalaluddin Rumi and the Sufi tradition. Abstract of a dis. of a Cand. of Philos. Sciences]. Moscow, 1991, 17 p.